



Анна Александровна Матвеева

Призраки оперы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18054808

*А. Матвеева. Призраки оперы: ООО «Издательство К. Тублина»; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-8370-0694-4*

Аннотация

Пожалуй, со времен Сомерсета Моэма ни один писатель так глубоко не погружался в атмосферу театра, как погрузилась в нее Анна Матвеева. Повести «Взятие Бастилии» и «Найти Татьяну» насквозь пропитаны театральным духом. Но в отличие от Моэма театр Матвеевой – не драматическая сцена, а высокая опера. Блеск дивного таланта и восторг музыкального самозабвения сменяют здесь картины горечи оставленности, закулисных интриг и торжища амбиций. По существу «Призраки оперы» – развернутая шекспировская метафора жизни, порой звучащая хрустальной нотой, порой хрустящая битым стеклом будней.

Содержание

Взятие Бастилии	5
Картина первая	5
Картина первая, продолжение	6
Картина вторая	8
Картина третья	10
Картина четвертая	12
Картина пятая	14
Картина шестая	16
Картина седьмая	17
Картина восьмая	18
Картина девятая	20
Картина десятая	21
Картина одиннадцатая	23
Картина двенадцатая	24
Картина первая	25
Найти Татьяну	26
Часть первая	26
Глава 1. Трубадур	26
Глава 2. Искатели жемчуга	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Матвеева

Призраки оперы

© ООО «Издательство К. Тублина», 2015

© А. Веселов, оформление, 2015

* * *

Взятие Бастилии

Картина первая

Вечер. Предместье Фобур-Сент-Антуан.

Горожане спешат домой, позади – целый день, отданный чужим людям. Совсем скоро парижане смогут расслабиться, ведь их ждут вкусный ужин и приятный разговор с домочадцами. Одна за другой хлопают двери, зажигаются окна. Звучит радостный хор.

Только Марианне спешить некуда – у нее нет здесь знакомых. Разве что портье из гостиницы, который поздравил ее с днем рождения, заполняя карточку приезжих.

Вчерашним утром девушка прилетела в Париж, чтобы встретить свой день рождения. Она хочет забыть о прошлом и найти счастливое будущее в городе любви и света. Тихо и ласково Марианна поет о своих надеждах, и ей вторит целый город...

(Париж может стать отдельным героем оперы. Баритон? Нет, лучше – хор.)

Улица Фобур-Сент-Антуан – длинная, как опера «Жизнь и эпоха Иосифа Сталина». Вытекает из площади Нации, где другая, бронзовая Марианна правит запряженными в коляску львами в окружении фигур Материнства, Правосудия, Детства и Освобожденного труда. У одной из фигур блестящие толстые ягоды, вряд ли она Детство.

Из-за этих ягод Марианна и потеряла ритм, обронила его, как монетку. Загляделась, и опера исчезла. Ничего, вернется. Музу нужно держать на коротком поводке.

Эта привычка у Марианны уже давно – превращать реальность в оперу. Не в музыку, всего лишь в сюжет. Историю, написанную выверенным слогом завлита с музыковедческим образованием. В этих придуманных операх Марианна всегда – главная героиня. Прекрасная девушка, вокруг которой крутится действие. Первое, второе и третье, как блюда в столовой. Ариетта и каватина Марианны, зал встает, поклонников с букетами выстраивают в очередь, как первоклассников.

Реальную Марианну не пустят в героини, даже если она останется единственной женщиной на весь театр.

Картина первая, продолжение

...Как образ недостижимого счастья, мелькает впереди Июльская колонна – Марианна идет к ней, словно ведомая светом далекой звезды. Площадь Бастилии. От тюрьмы, когда-то наводящей ужас на весь Париж, уцелело одно лишь название...

Надо было все же оставить Бастилию в назидание потомству, как англичане сохранили свой Тауэр, и с ним уцелели привидения маленьких принцев и черные вороны – такие блестящие, как будто их начистили сапожным кремом.

А здесь, в Париже, – кафельная ракушка оперного театра, и туристы вглядываются под ноги, чтобы разглядеть очертания некогда стоявших здесь суровых стен.

Опера, которую сочиняет Марианна, может называться «Взятие Бастилии». Она с детства знала наизусть все женские партии из «Онегина» и «Травиаты». Слух был такой точный, что от чужого фальшивого пения у девочки поднималась температура. В шесть лет папа отвел ее в музыкальную школу, ждал под дверью, пока прослушают.

Принимали вначале холодно, но когда Марианна начала петь – забегали. Сначала в один кабинет побежали, потом в другой. Явился руководитель хора – очень элегантный мужчина, и в конце концов приплыла директриса, старорежимная особа в длинном бархатном платье (если вести пальцем против ворса, можно что-нибудь написать).

Ахали – какой слух, какой голос!

Все годы Марианна шла в музыкальной школе первой ученицей. То, что происходило в общеобразовательной, ее мало волновало – и сама она, и родители сразу поверили, что настоящая жизнь будет проходить вблизи от музыки. Она и в ансамбле солировала, с гастролями ездила в Чехословакию, Венгрию, даже в Австрии была! По тем временам Австрия – как сейчас Луна.

Лирико-драматическое сопрано, широкий диапазон, будущее размером с полмира – а потом умерла мама, и в тот же день пропал голос.

Возможно, голос был как-то связан с мамой, поэтому они ушли вместе.

Подружки в музыкалке злорадничали. Вторая по звездности солистка целый месяц просыпалась с улыбкой на лице. Но Марианна была оперной героиней по самой своей сути. Все авторитеты ее жизни – сумасшедшие (Эльвира, Марфа, Лючия ди Ламмермур) или самоубийцы (Дидона, Норма, Сента). У самоубийц – самые красивые партии.

Однажды вечером оставила папе безжалостную записку с цитатой: «Самоубийство входит в капитал человечества». (Даже сейчас стыдно вспомнить.) Потом надела куртку, перешла через дорогу – к шестнадцатизэтажке. Рядом с магазином «Цветы» гремели досками скейтеры, Марианна всегда смотрела на них с ужасом, а сегодня прошла мимо, ничего не чувствуя. Поднялась в лифте на шестнадцатый этаж, открыла дверь на общую лоджию. Люди внизу – маленькие и бессмысленные. В этом доме раньше проживали мамины друзья – и у них выпал кот из окна. Разбился, бедный, лежал внизу крошечным ковриком, потратил все свои девять жизней разом, как неумелый игрок. Друзья вскоре переехали отсюда – не из-за кота, конечно, просто так совпало.

Марианна представила, как через несколько минут будет лежать на месте несчастного зверя, как будет расплываться вокруг ее головы блестящая, красная, лаковая звезда... Подняла голову вверх, закинула ее так, что схватило шею, – и увидела дымное небо.

Год назад в хоре они пели песню против атомной войны, и там были такие слова:

Над землей бушуют травы,
Облака плывут, как павы,

А одно, вот то, что справа,
Это я, это я, это я,
И мне не надо славы...

Марианна зажмурилась, чтобы не плакать, потом открыла глаза – и вдруг уродливый городской задник превратился в прекрасную декорацию, а сама она стала героиней оперы, несчастной юной девушкой, за которой уже выехал со спасительной миссией лучший тенор региона. К третьему акту тенор будет ждать ее под окном, и они исполнят для слушателей свой знаменитый дуэт.

На той лоджии с видом на помойку и трансформаторную будку с Марианной произошло истинное чудо. Если принять на веру, что тебе не надо славы, то можно прожить свою жизнь не без удовольствия.

А если повезет, то и не только свою.

Девятьсот девяносто девять жизней.

Она успела домой еще до папиного возвращения и разорвала предсмертную записку.

Картина вторая

На площади Бастилии гуляет уличная ярмарка. Блестят разноцветные машины, перед кассами стоят длинные очереди. Визжат беспечные горожане – их поднимают наверх в лифте, а потом коробка с людьми летит вниз стремительно, как нож гильотины. Позолоченный Гений свободы – голый, будто младенец, и со звездой во лбу, как Царевна Лебедь, – распростертыми объятиями приветствует гостей площади. Под Гением – Июльская колонна, под колонной – пятьсот четыре тела, жертвы революции. Компанию жертвам составляют мумии, вывезенные Бонапартом из египетского похода и в суматохе похороненные здесь же. Мумиям и жертвам одинаково мешают спать «американские горки» – на первом круге ездоки кричат, на втором молчат как мертвые. Марианна обходит ярмарку, сворачивая к зданию театра.

Касса работала. От девушки за стеклом исходило такое мощное чувство превосходства, что оно проникало даже через толстое стекло. Будто бы его распылили, как освежитель воздуха. Не глядя на посетительницу, кассирша стучала по клавишам.

Марианна, может, и рассердилась бы на то, что ее в упор не видят, но это происходило с ней часто, и она привыкла. Не зря мечтала в детстве о шапке-невидимке – со временем она приросла к ней накрепко, как и недовольное выражение лица.

Бастилия напоминает скорее стадион, чем театр, но здесь правильный запах, точь-в-точь как дома. Точнее, на работе. Марианна считает своим домом театр, а дом – это место, где она спит и хранит одежду. После того как не стало папы – четыре года и три месяца назад, – дом стал еще и местом, откуда ей все время хочется уйти. Поэтому она приходит в театр самой первой, а уходит с гардеробщицами.

Марианна пишет... хотелось бы сказать «либретто», но нет – всего лишь тексты для театральных программ, которые зритель покупает перед спектаклем и заглядывает в них во время действия, чтобы понять, когда наконец, ради всего святого, будет антракт. Вернувшись домой, зритель не сразу решит, куда сбавить эту книжечку в багровой обложке, – выбросить жаль, ведь были потрачены деньги. Некоторые сохраняют ее «на память», что означает – программка будет сунута в кухонный стол, где хранятся кулинарные книги свекрови, до которых никак не дойдут руки, или же отправлена на самый верхний этаж книжных полок, где прячут от детей Камасутру и фильмы Тинто Брасса. Там же покрываются пылью, толстой, как слой крема на торте, открытки, проспекты из музеев и театральные программки былых времен.

Труд Марианны недолговечен, но в отличие от газеты он все-таки многоразового использования. Сюжеты опер и балетов не меняются, и задача «программиста» Марианны – донести смысл произведения до зрителя, который живет, как ни крути, уже совсем в другом времени.

– Мадам? – кассирша настороженно смотрела на Марианну.

Возможно, она «мадамкала» уже давно – порой Марианна выпадала из нынешнего дня, не видела и не слышала ничего вокруг. Конечно, она извинилась перед кассиршей, и та одарила ее такой ясной улыбкой, что тут же была прощена за давешнюю неприветливость. К тому же – радостная весть! – кассирша объяснила, что есть хорошие места на «Пуритан» и Марианна сможет увидеть спектакль уже через несколько часов. Она будет сидеть в партере! Вместе с кассиршей выбрала место в среднем секторе, не самое дорогое, но и не дешевое. У себя в театре Марианна никогда не сидела на галерее – только партер, бенуар или балкон. Разумеется, она не претендовала на место в первых трех рядах партера – во-первых, это для богатых, а во-вторых, чем ближе к сцене, тем заметнее ошибки, без которых не

обходятся даже самые лучшие артисты. Марианна старается не портить спектакль ни себе, ни тем, кто в нем играет. В родном театре она иногда пересаживается по ходу действия – в антракте занимает свободные места то в левой, то в правой ложах. Так она успевает увидеть и услышать спектакль с разных сторон и получить объемное впечатление. Режиссеры могли бы поинтересоваться мнением Марианны, потому что она не просто смотрит или слушает – она еще и размышляет над увиденным, и пытается прочесть все смыслы, которые вложили в спектакль постановщики. Они работают именно для Марианны, точнее, для таких, как она. Но режиссеры никогда и ни о чем ее не спрашивают. Скорее всего, они даже не догадываются о том, что она делает в театре.

Марианна спрятала билет в сумочку – это довольно-таки потертая и совсем немодная сумочка, которую тем не менее можно считать театральной. Автор программки давно перестала покупать себе новые вещи и носит одни и те же костюмы десятилетиями. В театре молодые сотрудницы, глядя на Марианну, прыскают и толкают друг друга локтями, не забывая при этом вежливо здороваться.

Картина третья

Марианна ищет скромный ресторанчик, чтобы отметить свой день рождения. Она видит счастливых людей на террасах – пары целуются, отпивают вино из бокалов, пробуют закуски. Париж – город любви, Марианна страдает от одиночества. Девушка проверяет, не выпал ли драгоценный билет из сумочки, а потом робко входит в бистро. Мы слышим приветственную песню шеф-повара, который радостно готовит фирменное блюдо. Ему вторит нетерпеливый хор голодных гостей.

Главная героиня должна быть молодой, вот почему Марианна зовет себя девушкой, а вовсе не потому, что считает, будто бы она молодо выглядит. Все сорок четыре года лежат, как на тарелке. На тарелке, которую официант пронесет мимо с торжественным лицом, мирно соседствуют паштет и варенье. Марианна побаивалась французских изысков и скучала по обедам из театральной столовой. Пюре с котлеткой, салат «Аппетитный», компот из сухофруктов. В Париже ей хотелось попробовать лягушачьи лапки, но сказали, не сезон. Вчера она брала на обед луковый суп – дешево, пьяно, сытно. Расплавленный сыр и размокший хлеб.

Жаль, сегодня супом не обойдешься – все-таки день рождения. Те самые сорок четыре.

Марианна с детства привыкла ждать этот день – раньше он был самым любимым в году. Вечером маленькая Марианна засыпала в своей обычной комнате, а рано утром просыпалась в другой – волшебной! Перед кроватью появлялся столик, проживавший в гостиной, а на нем красиво лежали подарки – мама работала в декорационном цехе и умела даже из самых рядовых вещей выкладывать элегантные композиции. Новенькая юбка свисала, как занавес, за ней прятались, кокетливо, как балерины, показывая ножки, вожаденные чешские фломастеры (двенадцать цветов), обязательная плитка шоколада от бабушки и книга от папы в еще темной комнате выглядели таинственными золотыми слитками... Марианна, не проснувшись до конца, пыталась угадать, что скрывается в маленькой коробочке (вот бы сережки наконец-то), и не могла больше уснуть. Разрушать «подарочный» стол не хотелось, и, наигравшись за день, Марианна пыталась пристроить пакеты и коробки на прежнее место, но мама успевала вернуть столик в гостиную, на ПМЖ. Марианна не печалилась – вечером за столом собирались гости, почему-то в детстве у них в доме было много людей. Потом все эти люди куда-то исчезли, как будто умерли вместе с мамой, но тогда их было так же много, как голубей во дворе дома. Голубей прикармливала старуха из восьмой квартиры – и когда Марианна однажды остановилась посреди двора поправить съехавший носочек, голуби вдруг пошли на нее в наступление. Надували шеи, страстно курлыкали, и глаза у них были оранжевые, как мандарины.

В день рождения маленькой Марианны гости веселились так, будто это был невесть какой праздник. Для детей устраивали конкурсы, самый любимый – срезание призов с бельевой веревки. Глаза всем по очереди завязывали шейным платком, от которого слабо пахло духами «Роша» (пробку от этих духов впоследствии выпросит у Марианны одноклассник – для уличной игры, в которой были невероятно сложные правила). Мама в платье с розами ловко направляла малолетних участников, страшно щелкавших ножницами, чтобы ребенок никого не покалечил, но и без подарочка не ушел. Папа снимал со стены гитару, вначале пела Марианна – женщины начинали плакать, а один маленький мальчик (уже не вспомнить чей) просил:

– Не пей больше, Марианна! Мне от этого грустно.

Марианна не настаивала – ей больше нравилось играть с подружками, чем петь для взрослых. Иногда она с девочками даже убегала на улицу, если погода позволяла. Тогда

взрослые пели сами – особенно красиво получалось у толстеньких женщин, «потому что голос должен где-то жить», объясняла мама.

В детстве Марианна не задумывалась о том, где должен жить голос, – это была тема на вырост. Как, впрочем, и тема дня рождения, важного и самого любимого дня в году, который вдруг перестал быть и тем и другим. Какое-то там число в октябре никто не обязан помнить. К тому же сверху давным-давно прилетают не чудесные подарки, а чугунные числа – сорок, сорок один, сорок два. Сегодня упали две четверки, похожие на тяжелые стулья.

Что касается голоса, то он живет между сердцем и горлом. Голос – такая же полноценная часть человека, как желчный пузырь, но без пузыря жить легче. Почти каждую ночь Марианне снится привычный и потому отчасти любимый кошмар – она стоит на сцене, а в зале – сотни внимательных лиц, как на групповом фотоснимке. Она раскрывает рот и в ужасе просыпается, тоже с раскрытым ртом, пересохшими губами. Тот редкий случай, когда можно порадоваться, что спишь одна и никто тебя такую не видит.

Сразу после школы Марианну взяли работать в театр – в память о маме, о ее «самоотверженном труде в декорационном цехе».

Папа сильно переменялся, хотя и уверял дочку, что все будет по-старому. Он был старше мамы на двадцать лет и привык думать, что уйдет первым, а получилось иначе. Раньше Марианна не осознавала, что отец немолод, а теперь этого не требовалось – к чему осознавать факты? В автобусе папе уступали место, в магазинах называли дедушкой.

Он пережил маму почти на тридцать лет, но после инсульта лежал дома четыре года в затуманенном сознании. Когда умер, соседи говорили: «Слава богу, отмучился», а Марианна все никак не могла привыкнуть к тому, что папы нет, – как будто вспоминала об этом заново каждое утро.

Картина четвертая

Марианна открывает меню и читает описания блюд. Она плохо знает французский, и чтение требует от нее усилий. Хорошо бы от нее никто и ничего не требовал хотя бы раз в год – тем более усилий! Она раздраженно откладывает меню в сторону, и мужчина за соседним столиком делает то же самое. Глаза их встречаются.

Мужчина за соседним столиком действительно присутствует, но в героиню никак не годится. У него смутное, как черновик, лицо и неприятно яркие губы. К тому же он вовсе не спешит встречаться глазами с Марианной и с куда большим интересом разглядывает официанток. Странно, что на официантках после этих взглядов сохраняется одежда.

Претензии к меню тоже, к сожалению, реальны. В родном городе Марианна редко ходит по ресторанам – разве что с Альвой, единственной своей подругой. Обе любят ворчать, читая меню: нет, чтобы ясно сказать «говядина» или «семга», изобретают какие-то «подушки из трав», «фантазии», «дуэты»... Альва (она умеет отстаивать права потребителя) зовет официанта, требует объяснений, и он отвечает:

– Это, получается, говядина, она идет с овощами.

Или:

– Это, получается, свинина, она идет вместе с рисом.

«Идет» – любимый словесный паразит в сфере обслуживания. Его не прыскают дихлофосом, а, напротив, всячески лелеют, как дорогостоящего паука. Марианна представляет себе кровавый говяжий бок, идущий по пыльной дороге в жаркий день (рядом плетутся овощи). И заказывает неизбежную пиццу (она тоже «идет» – в компании с бесплатным молочным коктейлем, а вот это приятная новость! Жаль, что происходит не прямо сейчас).

Тем не менее Марианна видит кое-что общее у себя и неведомых ей составителей меню. Им тоже нужно успеть рассказать как можно больше посредством как можно меньшего количества слов. И слова эти должны быть изысканными и мелодраматичными, иначе публика не поймет, а посетители не закажут десерт.

Марианна наугад выбирает закуску, надеясь, что она окажется не слишком сырой, а еще все-таки заказывает луковый суп, потому что давно не верит своим надеждам. И на десерт – крем-карамель.

Мужчина за соседним столиком пьет из стакана бурую жидкость. Шея у него обмотана шарфом, как бинтом, сам смуглый, рябоватые щеки – в дырочку, как потолок салона в старой папиной «Волге».

Жаль, что здесь нет Альвы, подругиной уверенности обычно хватает на двоих. Альва преподает музыкальную литературу и не стесняется кричать в театре «Браво!» или аплодировать, пока весь зал еще только соображает, в голосе певец сегодня или нет.

Аплодируя, Альва кричит в ухо Марианне:

– Нижних нот у тенора, конечно, нет, зато берет эмоциями!

Или:

– Сопрано совсем немогущая, но посмотри, какое точное попадание в образ!

Альва всегда находит, за что похвалить исполнителя. Она тоже не замужем, как и Марианна, но в прошлом у нее были романы, да и сейчас могут быть, если пожелает. Альва носит блузки с глубоким декольте, и груди у нее так притиснуты одна к другой, что получается галочка – как чайка на детском рисунке.

Марианна особенно любила Альву, после того как впервые побывала у нее дома, – оказалось, что подруга за всю жизнь не выбросила ни единой театральной программки. И на каждой указаны дата и ФИО человека, с которым Альва смотрела спектакль.

Вчера в родном театре давали «Травиату». Когда началось второе действие, самолет Марианны коснулся земли, и пассажиры аплодировали пилотам так же бурно, как зрители в театре – новому басу, который только-только вошел на роль Жермона.

Русский пограничник, проверяя паспорт Марианны, сказал:

– С днем рождения!

– Он завтра, – поправила, вместо того чтобы поблагодарить. Слишком серьезно относилась к этой дате, двадцать какому-то октября.

Пограничник признался:

– У меня тоже завтра день рождения. Только год другой.

Щеки у него были румяные, на подбородке, как подснежник, пробивался прыщик. Конечно, он родился в другой год, даже календарь того года еще, наверное, не выцвел...

Принесли закуску – тарелка похожа на шляпу, на дне лежит что-то коричневое, посыпанное зернышками. Скорее всего, паштет, хотя кто знает.

– Это очень вкусно, – сказал мужчина за соседним столиком. – Пробуйте, не бойтесь!

– Я и не боюсь, – ответила Марианна.

Вилочкой подцепила коричневое и не глядя сунула в рот.

Картина пятая

Марианна и незнакомец пьют шампанское, сдвинув столики, – они влюблены друг в друга и готовы умереть за свою любовь. Быстро пустеет бистро, пары одна за другой выходят на улицу. Только Марианна и ее любимый – Эмиль? – никуда не спешат. Открываются двери, и в бистро врывается разъяренная толпа головорезов во главе с Жераром (лирико-драматический баритон). Это уличная банда, с которой в прошлом был связан Эмиль. Юноша давно оставил позади мир алчности и порока, но прошлое всегда напоминает о себе. Преступники окружают влюбленных, Эмиль пытается прикрыть Марианну своим телом.

Между прочим, на вкус не так и плохо, но лучше не вдаваться в подробности, что это она такое съела. Почки? Мозги? Зобная железа теленка? Мужчина и не думал придвигать столики или заказывать шампанское – он все так же сидит на своем месте и тянет бурый напиток из стакана, скорей бы он у него закончился. Когда Марианна съела закуску, чем бы она ни была, Эмиль позволил себе ухмыльнуться.

И в зал никто не врывался – добавилась лишь парочка смущенных туристов. Они долго топтались при входе, пока официант не обратил наконец на них внимание и не усадил за самый плохой столик – у туалета. Туристы счастливы, оглядываются по сторонам и держат друг друга за руки, как будто намазанные клеем.

В театральных программках, в отличие от реальной жизни, нет ни капли вранья. Все и вся называются по имени – герои, чувства, поступки. Зависть, ревность, похоть, *жажда мести* – на сцене нет места притворству, никто и не думал играть. Жизнь с ее кривляньями и ложью могла бы взять у оперы пару уроков по части искренности и правдоподобия.

Если сказано «прошлое всегда напоминает о себе», значит, так оно и есть на самом деле.

Марианна не сразу привыкла к новой работе, к тому же ей пришлось еще и получить высшее образование – папа настаивал хотя бы на заочном. В театре начинала секретарем, потом уже с дипломом теоретика музыки (издевательское в ее-то случае определение) перешла в литотдел, где сидели две опытные пожилые сотрудницы, такие корни пустили – не вырвешь! Только если вместе с землей. Марианна и не пыталась никого «выпалывать». Она робкая, скучная – таких в коллективе со временем начинают ценить. Была на подхвате, делала все, что скажут, а потом одна старая дама умерла (гроб выносили из театра, большая честь), вторая начала болеть... Постепенно Марианна стала работать за весь отдел, и хотя заведующая оставалась прежней, это была просто уступка возрасту и дань прожитой в стенах театра жизни. В конце концов и эта дама, конечно, упокоилась – гроб снова стоял в фойе театра, было много лилий, покойница предпочитала именно эти цветы. Марианна тоже положила в гроб лилии – рыжие, с веснушками. Она не сомневалась, что станет начальницей отдела, – с годами в ней развилось какое-то странное тщеславие, саму ее удивлявшее: как если бы вдруг у нее выросла третья рука или нога. Это чувство было таким сильным и самостоятельным, что Марианна побаивалась его, как строгого начальника. Приходилось сдерживать раздражение, прятать возмущение, вообще вести себя не так, как раньше. Прежняя, невзрачная и робкая Марианна тоже никуда не делась, но из нее, как из скорлупы, готова была вылупиться новая – такую попробуйте не заметить! Порой она уже высовывала голову, как черепаха, но тут же прятала обратно, и перевоплощение откладывалось. Марианне не нравились эти перемены, но они, к сожалению, были неотменимы, как старение.

Когда Марианне объявили, что начальницей отдела назначили какую-то молодую женщину, ее ударило обидой, как током. Во рту стало горько, и горечь не исчезала даже после шоколада, запас которого лежал в верхнем ящике стола.

Новую начальницу звали Ирина, она была длинная, тонкая и просила, чтобы к ней обращались без отчества. Ирина взяла на работу двух девочек, а Марианне оставила только программки. Поначалу тщеславие подавало голос, пытаясь вытолкнуть Марианну за рамки картин и действий, но Ирина без отчества тут же ставила ее на место, и в конце концов стало понятно, что если рыпаться, то лишишься и программ. Потом заболел папа – Марианна не знала, с кем его оставлять, когда уходишь на работу... Ирина сказала – можете выходить после обеда на два-три часа, я вас прикрою. Марианна кормила папу обедом, меняла ему памперс и убегала в театр, а вечером, возвращаясь, каждый раз боялась, вдруг он умер в то самое время, что ее не было. Он ведь был в сознании, хотя и немного перевернутом, и когда в его бедной голове все становилось на место, он просил дочь не уходить – ему было страшно умирать одному. Когда он умер, было утро, и Марианна варила суп. Заглянула в комнату проверить отца, а он кивнул ей и умер. Суп съели друзья родителей и родственники – они не слишком-то часто приезжали, когда отец лежал, но когда его не стало, все нашли возможность поддержать Марианну *в это нелегкое время*. В день похорон младшая сестра матери обещала посадить сирень на могиле – до сих пор сажает. Марианна недолго любила тетку – она была слезливая и глупая, а лицом так напоминала маму, что было почему-то обидно. Хотя на что тут обижаться, если люди всего лишь продолжают жить?

Удивительно, что Марианну по-прежнему не увольняли из театра, ведь она так мало делала, ну что это – писать программки, даже с учетом премьер! В театре появилась «бегущая строка», тексты для которой тоже нужно было редактировать, а еще начали выпускать журнал, без конца делали какие-то интервью с приезжими звездами. Но Марианну никто не спешил нагружать новыми обязанностями, правда, и зарплату не повышали, зато платили более-менее аккуратно. Она тратила мало – после смерти папы главные расходы на памперсы и лекарства исчезли, и зарплата скапливалась на карточке, пока не превратилась в такую, в общем, приличную сумму. Это было два года назад, тоже осенью – до дня рождения оставалось еще полтора месяца, а Марианну уже тянуло изнутри за душу от мысли, что придется пережить этот день.

– А ты за границу поезжай! – осенило Альву. – У тебя паспорт есть?

Паспорт был, в театре сделали всем сотрудникам. Но как ехать – без языка, без компании? И что она будет там делать?

– В театр пойдешь! – сказала Альва.

В турагентстве купили билеты и сделали визу. В позапрошлом году Марианна ездила в Милан (Ла Скала, «Анна Болейн»), в прошлом – в Лондон (Ковент-Гарден, «Милосердие Тита»), а сейчас вот – Париж, Бастилия, «Пуритане». До последнего сомневалась, сможет ли попасть на спектакль, – обычно (всего два раза и вот уже невероятное стало обычным!) она приходила за час до начала и ждала, когда в кассе начнут продавать билеты с ограниченной зоной видимости. А сегодня решила прийти раньше, и ей повезло. Партер, подумать только!

Марианна заглянула в сумочку – билет лежал на месте.

Принесли луковый суп, и Эмиль сказал:

– Приятного аппетита!

То, что он говорил по-русски, Марианну почему-то расстроило.

Картина шестая

Жерар – возжак головорезов – хватает Марианну за руку и требует следовать за ним. Его подручные крепко держат Эмиля. Жерар выставляет свои условия: если Эмиль вернется в банду, Марианна вновь станет свободной и вернется на родину. Если же Эмиль не подчинится, ровно в полночь на площади Бастилии девушка умрет. Бандиты исчезают, увлекая за собой бесчувственную Марианну, а Эмиль остается один за пустым столом.

О том, что у Марианны когда-то был голос, в театре никто не знал, да и сама она со временем забыла об этом. Только во сне все так же выходила на сцену – из года в год стояла перед залом и просыпалась за секунду до того, как нужно было вступать.

В реальности она стояла на сцене только в дни премьер, когда публика штурмовала гардероб, а люди театра поздравляли солистов – взмокших от пота и поэтому скользких, как маринованные маслята. Марианну бросало в такой же точно пот после «оперных снов». Тщеславие к тому времени превратилось в самый настоящий недуг – жаль, что от него нельзя было вылечиться таблетками или уколами. Чтобы усмирить этого зверя, Марианна вспомнила давнюю детскую привычку: когда ей было скучно, она начинала сочинять оперу. И не беда, что от реальной жизни в этих сочинениях, похожих на программки, почти ничего не было и что музыка заимствовалась у Чайковского и Верди, главное – фантазии утешали Марианну и утихомиривали тщеславие. В мечтах она была главной героиней, ради которой мужчины дрались на дуэлях, убивали друг друга в сражениях, совершали подвиги и прекрасные безумства. В реальной жизни Марианна ни разу не имела дел с мужчинами, за исключением папы и коллег. Альва однажды попыталась свести ее с холостяком из филармонии («Он нашего круга!»), но от него пахло, как от мускусного волка в зоопарке, да и сам он Марианной не слишком-то заинтересовался. Она была совсем обычная, и многие коллеги, проработавшие с ней двадцать лет, не узнавали ее, встречая на улице. Такие лица штампуют миллионами, где-то есть одобренный образец.

Луковый суп был очень горячим, пусть немного остынет. Времени с запасом – до спектакля целых полтора часа.

«С днем рождения», – сказала себе и про себя Марианна.

Эмиль махнул рукой, и официантка принесла ему новый стакан бурой жидкости. Больше всего этот напиток походил на свекольный сок, но был, наверное, ликером.

Весь сегодняшний день, начиная с самого утра, Марианна вспоминала маму. Ей бы понравилась эта картинка – взрослая дочь в Париже, в двух шагах от одной из лучших оперных сцен мира. Наверное, гастроли? Или, быть может, дочь скрывается от поклонников, но один, особенно настырный, по имени Эмиль, все-таки выследил ее в *роскошном ресторане*?

Похоже, кое-кто начинает сочинять следующую оперу, не завершив предыдущую.

Суп слегка остыл, но был душистым и пьяным, как и тот, вчерашний.

Картина седьмая

Подельники Жерара силой удерживают прекрасную Марианну в злачном заведении на бульваре Бомарше. Несчастливая девушка пишет письмо возлюбленному – она просит, чтобы Эмиль не жертвовал собой ради нее и сохранил верность честному образу жизни. Появляется Луиза (меццо-сопрано), любовница Жерара. Спокойно и честно узница рассказывает о том, что произошло, – Луиза чувствует смятение. Она хочет покинуть банду и предлагает Марианне бежать. Марианна отказывается – она боится, что Жерар сведет счеты с Эмилем. Луиза уговаривает девушку, но та непреклонна. Скрепя сердце Луиза соглашается передать письмо Эмилю. Марианна остается одна.

Если по улице идет сумасшедший, то из всех встречных он обязательно выберет Марианну. Ее лицо – штампованное и скучное – привлекает всех, у кого расстроенная психика, контузия или просто несчастливая жизнь. В трамваях к Марианне прижимались извращенцы, на остановках приставали чудаки с нервным тиком, юродивые тянули за рукава, цыганки гадали целым хором. Еще ее любили дети, хотя Марианна не умела с ними общаться и страдала, когда к ней жались потные головенки соседских ребятишек. Дочь Ирины – такая же длинная и тонкая, как мать, хотя совсем ребенок, – не просто обнимала ее при встрече, но еще и с наслаждением обнюхивала, как собака. Марианна терпеть не могла любых телесных контактов – даже когда Альва прихлопнула у нее на руке комара, это проявление заботы показалось ей неприятным. В самолете Марианна просила место у окна и не поворачивала голову к соседу, чтобы не видеть чужую кожу, волосы, ногти и не чувствовать запаха.

Голой ее видела только мама в детстве и еще некоторые врачи – после каждого такого обнажения, пусть даже частичного, Марианна чувствовала себя испачканной. Совсем маленькой, на пляже, Марианна отказывалась переодеваться, пока мама не окружала ее полотенцем, закрывая, как занавесом, от чужих взглядов. Телесная жизнь казалась ей утомительным делом – лучше уж быть главной героиней, страдать и вовремя погибнуть.

Альва много раз заводила с Марианной разговоры о любовниках, но она их не поддерживала, поэтому все сводилось в конце концов к работе и нижним нотам у тенора.

Принесли крем-карамель, похожую на сладкую запеканку с корочкой, которую маленькая Марианна ела в детском саду «Звездочка». Та запеканка лежала на противне, нарезанная квадратиками. Здесь ее подали в чашке – креманке, сказала бы мама.

Эмиль теперь уже и в самом деле не сводил глаз с Марианны, и это ей совсем не нравилось. Не зря она вдруг вспомнила про сумасшедших. Мужчины интересовали Марианну только как герои опер, носители голоса – им ни в коем случае не следовало покидать сцену, а точнее, мир фантазий. Эмиль вдруг встал с места и оказался пузатым дядькой в грязноватых брюках. Марианна вскинула руку, изображая Альву в ресторане, когда та просила счет, но официант упрямо не видел ни вздернутой руки, ни самой Марианны. Большинство парижских официантов – слепые или избирательно зрячие.

– Уже уходите? – спросил Эмиль.

Картина восьмая

Эмиль и Луиза бегут по ночному бульвару Бомарше. Луиза торопит юношу – им нужно успеть освободить Марианну, ведь разгневанный Жерар, скорее всего, уже догадался о предательстве своей подруги. Эмиль благодарит храбрую девушку, но сердце его полно печали: он понимает, что единственный способ спасти Марианну – это вернуться в банду. Сзади раздаются быстрые шаги, и незнакомец стреляет в Луизу. Эмиль пытается остановить его, но уже слишком поздно. Умирая, несчастная успевает прошептать номер дома, где удерживают Марианну. Потрясенный Эмиль передает убийцу с рук на руки прохожим и просит позаботиться о мертвом теле Луизы.

«Свобода, что взлетела, ломая оковы и ярко сияя» – так сказано в путеводителе, который Марианна оставила в гостинице, о Гении свободы с Июльской колонны. Когда хочешь, чтобы время шло скорее, оно из вредности тянется бесконечно долго, и наоборот. До начала спектакля сорок пять минут, и каждая – с колонну. Марианне страшно оглянуться – кажется, Эмиль идет за ней следом, как убийца за солистами в восьмой картине. А он, конечно, идет, потому что все, у кого есть изъян, чувствуют в Марианне родственную душу и хотят немедленно слиться с ней – как минимум в беседе.

Эмиль еще ничего – его даже в приличные кафе пускают. Но усмехался он под конец праздничного ужина совсем неприятно – душевную хворь не скроешь. Лицо гладкое и блестящее, как у всех, кто пьет много сильных лекарств, а правая рука подтянута к груди, будто Эмиль защищается. Марианна ускоряет шаг и вспоминает молодого трубача, которого приняли в оркестр сразу после консерватории. Был таким же, как все, вытряхивал слюни из трубы, заигрывал с флейтисткой, а потом однажды пришел на репетицию в разных ботинках, и когда ему об этом сказали, рассердился. Что вы, говорит, обращаете внимание на такие ничемные вещи, когда мир доживает свои последние минуты? Так и пропал мальчик: лечили, но не вылечили. А вот Эмиля в Париже подлатали.

Марианна оглядывается, и Эмиль хихикает от радости, что она его заметила. Спасибо тебе, мироздание, за отличный подарок в день рождения! Психически нездоровый мужчина – именно то, о чем мечтает каждая сорокачетырехлетняя барышня с больным тщеславием.

На месте Июльской колонны когда-то затеяли строить фонтан в виде слона, но потом строительство заглохло, и в слоне поселились крысы. Однажды они хлынули наружу не хуже водных струй – на радость жителям предместья. Марианна представляет себе неживого слона, нафаршированного живыми крысами, и съеденный обед внутри нее оживляется – готов вновь предстать перед желающими!

Ярмарка гуляет, очередь на «американские горки» совсем небольшая. Чтобы сбить с толку Эмиля – пусть думает, что она решила прокатиться, – Марианна встает в эту очередь, а та – будто только и ждала, что русскую именинницу, – стремительно проходит вперед. Марианна платит за вход и вот уже сидит вместе с другими сумасшедшими в вагончике, а сверху на них опускается длинная широкая скоба и прижимает так, что не вылезти. Марианна видит, что Эмиль стоит в очереди на следующий заезд. Она успевает проверить билет в сумке, прежде чем вагончики трогаются с места и долго ползут куда-то вверх, чтобы рухнуть, как с отвесной скалы, – прямоком в ад, без лишних остановок. Весь мир вокруг Марианны кричит и воет, а вагончики тем временем бросает из стороны в сторону, переворачивает и, кажется, вот-вот выкинет из Парижа прочь. Кто-то рядом с Марианной вопит восхитительным контральто редкой выдержки, и она не сразу понимает, что это – ее голос.

– Сильна верещать, – с уважением говорит ей на выходе сосед по вагончику, и Марианна не удивляется, что этот человек снова русский. Кому еще придет в голову кататься в Париже на «американских горках»?

Ноги дрожат, но идут, куда нужно, – к театру. До спектакля всего пятнадцать минут, а ведь обычно она приходит заранее – побродить по зданию, надышаться родным запахом.

Эмиль крутит петли рядом с Гением свободы.

Картина девятая

Разъяренный Жерар врывается в комнату, где держат Марианну. Он гневно объясняет ей, что Луизу только что убили по его приказу и что каждого предателя будет ждать подобная смерть. Марианна в отчаянии, она поражена жестокостью бандита и опасается за Эмиля. Девушка выхватывает пистолет у Жерара и стреляет в себя. «Отпусти Эмиля», – молит она, умирая. Жерар отступает, не в силах скрыть свое удивление. На лестнице звучат шаги Эмиля.

Внутри театр ничуть не лучше, чем снаружи, – похож на советский Дворец культуры, какие были в каждом районе. Или на стадион. Звонки здесь звучат, как церковные колокола. Продавец программки выглядит лучше любого артиста – он молодой, кудрявый и говорит зычным голосом. Марианна покупает книжечку *«I puritani»*, завидуя бумаге, фотографиям и качеству печати. Такую программку не забросишь на верхнюю полку!

Еще один церковный колокол, время входить в зал – такой громадный, что Марианна пугается, не слишком ли далеко ее место от сцены.

В зале остается множество пустых мест и даже целых рядов, ведь заполнить подобную громадину сложно. Поэтому контролер (тоже красивый и молодой мужчина, хоть сейчас на сцену) говорит:

– Алез!

Он делает широкий приглашающий жест, и все небогатые зрители катятся волной поближе к сцене. Марианна катится вместе со всеми, вот это действительно отличный подарок к дню рождения! Она останавливается на шестом ряду, справа подряд три пустых кресла, а дальше сидит древняя старуха в меховом палантине. В ушах сверкают бриллианты. Марианна догадывается, что старуха купила для себя сразу несколько билетов, чтобы никто не садился рядом, но ведь им сказали «Алези!». Сзади топчутся еще какие-то самозванцы, желая занять места, поэтому Марианна продвигается к старухе и садится с ней рядом.

Старуха с трудом – и, кажется, со скрипом – поворачивает к Марианне голову и улыбается неожиданно широкой улыбкой. Губы у нее накрашены алой помадой, и часть краски, конечно, досталась зубам. Но даже в таком виде зубы у старушечки куда лучше, чем у Марианны. И пахнет от нее дорогими духами – аромат тяжелый, как мокрое пальто.

«Раз улыбается, значит, не возражает», – думает Марианна и тоже робко растягивает губы. Тут гаснет свет, и дирижер единым взмахом, как будто включив невидимую кнопку, приводит в действие оркестр. Увертюра к «Пуританам» – бурная, нежная, и никакой надежды на то, что все кончится хорошо.

Марианна с ужасом ловит себя на том, что не может сосредоточиться на музыке. Хуже того, ей хочется выбежать из зала и попробовать что-нибудь спеть. Что-то совсем простое, незатейливое – не Беллини, конечно. И не Моцарта.

Когда она была пятнадцатилетней девочкой, то готова была умереть, лишь бы голос вернулся, но что с ним делать теперь? Не полезет же она на сцену, в сорок-то четыре года? В лучшем случае ее ждут тоскливые концерты в домах для престарелых, где обычно и подрабатывают списанные солистки. Еще можно петь на клиросе, или, может, все-таки возьмут в хор? Она согласна на хор!

Голос бурлил внутри, как будто впитывая все скопленные за время отсутствия силы.

И тут открылся занавес.

Марианна покосилась на старуху – та прижала к груди свои костлявые пальцы.

Картина десятая

Эмиль держит на руках умирающую Марианну. Она берет с него обещание не возвращаться в банду. Все тише и тише звучат слова прощания влюбленных. День рождения Марианны становится днем ее смерти. Появляется Жерар. Он ведет с собой роскошно одетую старуху, которая простирает к Марианне костлявые пальцы. Жерар молит Эмиля о прощении, жертва Марианны тронула его, растопив лед в его сердце. Теперь он хочет спасти девушку, и для этого привел знаменитую на весь Париж колдунью Атенаис – она умеет исцелять даже безнадежных больных. Эмиль недоверчиво уступает ей дорогу.

Постановка модная, что означает – герои наряжены в относительно современные одежды, а действие разворачивается на практически пустой сцене. Но разве это важно? Эксперименты касаются света, декораций, костюмов, главное, чтобы никто не покушался на музыку и голоса. Эльвира – божественная, в другое время Марианна слушала бы ее не дыша, чтобы не испортить впечатление своим дыханием. Чувствовала бы, как легкие расправляются и становятся вот именно что *легкими*... Бедняжке Альве никогда не услышать такого пения. А тенор! Вот у кого были все ноты, включая нижние.

Слева от Марианны сидел мужчина, ничем, к счастью для всех, не примечательный. Разве что ноги слишком часто перекидывал – левую поверх правой и обратно. Старая дама в мехах (Атенаис) крепко уснула в самом начале третьей сцены второго акта. Голова лежала на груди, как посторонний предмет. Униженные перстнями костлявые пальцы подергивались в такт дыханию. От мехового палантина – норка или соболь, Марианна не разбиралась в мехах, так же как и в бриллиантах, – долетал неприятный запах, думать о происхождении которого было еще более неприятно.

Атенаис проспала арию божественной Эльвиры и пение заурядной Генриетты. Проспала хор – один из лучших на памяти Марианны. Старуху не могли разбудить литавры и тарелки, но лишь только наставало время мужских партий, она немедленно просыпалась и с широкой улыбкой смотрела на сцену. Ее тело умирало на глазах, но женщина, что жила внутри старой изношенной оболочки, ни на секунду не смыкала глаз.

Дуэт двух басов – Риккардо и Джорджо – звучал так мощно, что Атенаис от волнения прижала к губам пальцы, и кольца страшно звякнули о зубы. «*Suoni la tromba!*» – шептали морщинистые губы, как будто это был рок-концерт, где нужно петь вместе с солистом, который тычет в зал стойкой микрофона. Марианна осознала, что уже давным-давно смотрит на старуху, и лишь когда та начала хлопать и кричать тонким голоском: «Браво!», повернулась к сцене, где кланялись уставшие, насквозь мокрые от пота артисты.

«Может, она не спала?» – гадала Марианна в антракте, гуляя по фойе. Публика шумела, пила шампанское, курильщики брали у красавцев-администраторов билеты на выход. Марианна пошла вместе с ними. «Американские горки» все еще крутили петли над площадью. Хорошо бы с Эмилем не случилось ничего страшного.

«Что, если она просто так слушает – с закрытыми глазами?» – мысли Марианны вернулись к Атенаис, она даже о своем голосе едва не забыла – так поразила ее эта старуха. (Голос – словно конверт с долгожданным письмом: его так хочется открыть, что ты никак не можешь решиться и носишь конверт с собой целый день, поглаживая бумагу и пытаясь разглядеть сквозь нее чернильные строчки.) Когда Марианна была еще очень маленькой и глупой, папа водил ее на «Евгения Онегина». Он закрыл глаза, слушая Ленского, и Марианна дернула его за рукав – испугалась, что уснул. Папа тоже испугался, открыл глаза, там были слезы.

«Может, и старуха так слушает?» – приободрилась Марианна. Ей не хотелось, чтобы соседка проспала и второе действие, приходя в себя только при звуках мужских голосов.

Картина одиннадцатая

Атенаис водит руками над безжизненным телом Марианны, Эмиль стоит на коленях и молится. Жерар терзается муками совести. На улице внезапно раздается шум – это подельники Жерара. Они принесли добрую весть – Луизу успели спасти, рядом оказался доктор. Это счастливый знак! Жерар чувствует надежду. Атенаис вскрикивает и падает в изнеможении. Исцеление Марианны отняло все ее силы. Девушка приходит в себя. Эмиль, не веря своему счастью, склоняется над ней и поет свою знаменитую арию.

Старуха и не думала покидать зал в антракте. Людям в таком возрасте (на вид ей было за девяносто) тяжело переходить с места на место. Она встречает Марианну приветливым взглядом и даже предлагает ей шоколадную конфету из бархатной коробочки. Марианна с удовольствием принимает угощение, с трудом сдерживаясь, чтобы не сказать, как маленькая девочка: «А у меня сегодня день рождения!» Ее французского хватает только на «мерси», но Атенаис и этого достаточно. Она тоже берет конфетку своими страшными пятнистыми пальцами и отправляет ее в рот. Шоколад восхитительный – как раскусишь, брызжет ликером, а внутри, как сердце Кощея, спрятана пьяная вишня.

«С днем рождения!» – думает счастливая Марианна. Атенаис достает из сумки – шанель или диор – плоскую фляжечку медного цвета. И подмигивает Марианне, точь-в-точь как алкоголик дядя Сережа из третьего подъезда мигает своим собутыльникам. Белки глаз, как у молодой, – говорят, есть такие капли, убирающие желтизну и сосудистые жилки, похожие на кораллы.

Мужчина, который перекладывал ноги, все еще не явился, а остальным в зале нет никакого дела до двух дам в шестом ряду. Атенаис с удовольствием отхлебывает из фляжки и протягивает ее Марианне, обтерев горлышко платком с кружевами. Марианна неожиданно вспоминает свой давний и единственный визит к соседке, недавно ставшей матерью, – когда ребенок выплевывал пустышку, соседка поднимала ее с пола и облизывала, прежде чем снова сунуть в кричащий ротик малыша.

Она прогнала из мыслей соседку вместе с ее ребенком, выросшим, к слову сказать, в надменного юношу, и взяла у старухи фляжку. Она, брезгливая Марианна, которая в обычное время не может пожать другому человеку руку, сделала глоток из чужой фляжки, и в этот самый момент погас свет.

Что там было, ликер или коньяк, Марианна понять не в состоянии – она совершенно непьющий человек. В горле жжет, как от горчичника. Атенаис блаженно улыбается, из уголка ее рта стекает шоколадная струйка.

Марианна чувствует внутри огромное и нежное тепло, похожее на дерево с пышной кроной. В этот момент она любит весь мир – Париж, оперу, Альву, Эмиля, «американские горки», любит даже Ирину без отчества. Она обожает эту чужую щедрую старуху, снова, к сожалению, уснувшую, возможно, потому, что по сцене бродит безумная Эльвира? Женские голоса усыпляют Атенаис, мужские вновь заставляют ее трепетать.

Слушать оперу, когда внутри тебя нежное и огромное дерево, похожее на облако, – вот истинное наслаждение. Посланец с письмом Кромвеля появляется на сцене в тот самый момент, когда Марианна чувствует, что не в силах удерживать свой голос, и он вот-вот сорвется с привязи, как сказочный конь.

Картина двенадцатая

Париж. Фобур-Сент-Антуан. В уже знакомом нам бистро играют сразу две свадьбы. Эмиль женится на Марианне, а Жерар – на Луизе. Молодых развлекают лучшие танцовщики предместья. Атенаис сидит на почетном месте и пьет за здоровье молодых! Юноши исполняют танец с флажками, девушки – шоколадный танец. Наконец перед изумленными гостями предстает прекрасный юноша в странном костюме – его обнаженное тело покрыто золотой краской, а за спиной – крылья. Это Гений свободы. Он поздравляет влюбленных и обещает приглядывать за порядком в предместье. Ничто больше не нарушит счастья молодых!

Опера-сериа со счастливым финалом встречается редко, но «Пуритане» – именно такой случай. Война закончилась, пленники помилованы, рассудок Эльвиры проясняется, как небо после грозы, и посланец Кромвеля успел вовремя, какой молодец! На поклон солисты выходят одновременно и держатся за руки, как дети. Эльвире вручают элегантный букет желтых роз. Марианна аплодирует вместе со всеми, но эти аплодисменты не только артистам, но и себе самой: чудом удержала голос на привязи!

Атенаис по-прежнему не проснулась, хотя шум в зале стоит такой, что разбудил бы мертвеца. Марианна сглатывает слюну, вдруг ставшую горькой. Старуха сидит, не двигаясь, на лице застыло умиление. И шоколадная струйка засохла – похожа на пролитую кровь.

Кто-то рядом с Марианной опять кричит дивным контральто, и вновь она не сразу понимает, что это был ее голос.

– La mort ideal, – вздохнет один из полицейских, которых вызвали в театр. Глоток коньяка, конфета, мягкое кресло и опера со счастливым финалом. Только мечтать! Кто-то припомнил, что в Гарнье был подобный случай, но там скончался старый мсье, а тут – мадам.

Марианна плачет так бурно, что ее принимают за дочку покойной – правда выясняется в жандармерии с помощью переводчика.

– С днем рождения, – говорит переводчик, возвращая паспорт. – На вашем месте я бы сегодня хорошенько выпил.

Марианна вновь идет к площади Бастилии, где наконец утихли ярмарочные визги. Она сворачивает к Арсеналу, осторожно пробуя свой голос, как незнакомое блюдо.

Но пробовать нечего – голоса нет, он и не думал возвращаться.

Или, возможно, вернулся лишь на несколько часов. А может, ему был противопоказан коньяк?

Да что гадать.

Зато Марианне не нужно думать, что делать с этим подарком, она может жить свою прежнюю жизнь без голоса.

В следующем октябре планирует поездку в Вену. Может быть, и Альва сможет поехать – вдвоем веселее. В детстве Марианна была в Вене с ансамблем, но почти ничего не помнит, кроме церкви с разноцветной черепицей и злого старика с зонтиком, которого они встретили на улице.

Баржи Арсенала похожи на обувь в прихожей аккуратной хозяйки.

А Гений свободы отсюда почти неразличим.

Всего лишь блестит что-то в небе – как звезда, которой никто не любит.

Картина первая

Париж, Арсенал.

Юная Марианна только что похоронила свою мать и в отчаянии бродит по равнодушному городу. Ей так одиноко, что она думает о самоубийстве, склоняется над водой и вдруг видит рядом со своим лицом еще чье-то отражение. Девушка испуганно вскрикивает, но незнакомец называет свое имя – Эмиль. Он тоже одинок, но теперь они встретились и будут счастливы, потому что полюбили друг друга. На баржах появляются люди (хор), каждый зажигает лампу – так Париж убеждает Марианну не бояться любви. Город света превращается в город любви. Марианна признается Эмилю, что сегодня – ее день рождения. Юноша вручает возлюбленной элегантный букет желтых роз.

Марианна счастлива.

Найти Татьяну

Часть первая

*...Глубокие чувства похожи на порядочных женщин: они
боятся, что их разгадают, и проходят по жизни с опущенными
глазами.*

Гюстав Флобер

Глава 1. Трубадур

Оставалось всего два дня из одиннадцати тысяч. Тридцать лет жизни покорно лежали у ног Согрина. Тридцать календарей с тщательно закрашенными числами. Согрин не перечеркивал их деликатно, крест-накрест, нет, он яростно скреб пером по каждому дню, пока тот не скрывался наконец под синим чернильным пятном. Согрин убивал дни в календаре так, будто они были живыми. На самом деле, разумеется, они были мертвыми, эти тридцать последних лет.

Обиженные календари кучей лежали на полу – парадные подвесные и маленькие карманные, дареные и купленные самочинно. Эти тридцать изуродованных календарей были весомым поводом гордиться собой. Он все же выстоял. Дождался. Он всегда умел ждать. И продержится эти последние два дня – самые длинные из всех.

Иногда Согрин думал о себе, как об арестанте, заключенном в тюрьму за единственную ошибку. К нему, будто бы арестанту, проявляли милость и доброту, он мог свободно передвигаться в пространстве и произвольно строить свою судьбу. Загвоздка была лишь в том, что Согрину все это было не нужно. Ни сейчас, ни тридцать лет назад.

Каждый перечеркнутый день Согрин думал о Татьяне. Им останется не так много времени, ему теперь под шестьдесят, Татьяна на два года старше – и неизвестно, что у нее со здоровьем, и непонятно, какой она теперь стала.

Согрин поежился, отгоняя неприятную мысль о том, что за эти годы Татьяна могла стать мертвой. Она обещала умереть еще тридцать лет назад. Говорила: «Жить я все равно не буду!» СОГРИН очень надеялся на Бога, с которым у него сложились неплохие, прямо скажем, отношения, что Он все эти годы внимательно наблюдал за Татьяной и что она благодаря высокому присмотру осталась живой. Согрин полагал, что Татьяна не слишком располнела, хотя, если честно, ему было все равно.

Картина важнее рамы.

Согрин повторил эту фразу вслух и почувствовал, как внутри зажигается радость, похожая на белые звездочки бенгальских огней. Два дня!

Он не пытался найти Татьяну раньше, чтобы не скостить ненароком срок. Ее следы скрывались в тридцатилетнем прошлом: тогда она обещала уехать из города, звонила Согрину, приезжала к нему в мастерскую – он бросал трубку, не открывал двери. По-другому было нельзя, но Татьяна этого не понимала. Искала его снова, уговаривала, умоляла и потом, отчаявшись, начала сдаваться, уходить, умирать...

Впервые они встретились в оперном театре, где Согрин навещал совсем другую даму – «Кровавую Мэри». Далекий от музыки художник (а СОГРИН тогда всерьез считал себя

художником) услышал от друзей, что в буфете оперного театра вечерами продают коктейль из водки с томатным соком. Билет в оперу стоил в те годы рубль, коктейль обошелся совсем в смешную, копеечную сумму. Дешевле, чем в кабаке, и закуску никто не навязывает. Походы в оперу вошли у Согрина в привычку, и в тот вечер он, как водится, не собирался входить в зал, откуда неслись торжествующие или в зависимости от того, кто и как слушает, печальные звуки увертюры. Художник тихо поглощал свою «Мэри», буфетчица Света строила ему глазки – скорее автоматически, нежели от всей души. Света была девушка видная, место в жизни нагрела себе теплое, а что Согрин? Деньгами не пахло, пиджачок сидел скверно, тянул линию плеч куда-то вверх, да еще и водку клиент хлестал с отчаянным удовольствием, какое Света часто видела в глазах родного папаша, алкоголика в третьем поколении. Согрин интересовал буфетчицу разве что в статистическом смысле – еще один мужчина пал жертвой ее красоты. Визиты в буфет походили на признание – пара спектаклей, и позовет в кино, как пить дать. Света вздыхала, давала пить, Согрин тянул красную водку, разглядывая рисунок на линолеуме – тонкие черные линии, мутные голубые ромбы. В зале спорили скрипки и голоса. Затянутые в синие френчи контролерши с длинными свитками программ наперевес шагали по фойе, как декоративный караул.

Согрин не был готов к появлению Татьяны, но она все равно появилась. Не в буфете, правда, а на сцене. Хитровертая судьба плела косицу из людских жизней. Прялочка сюда, прялочка сюда, давай, внуча, ленточку. Лента наглаженная, атласная, пахнет раскаленным утюгом... Каждое утро, забирая волосы в хвост, Татьяна вспоминала бабушкину присказку.

Согрин вытряс в рот последние капли коктейля, проглотил кислую ледышку и уткнулся расслабленным взглядом в своего знакомого Потапова и его жену в красном платье. Красном, как коктейль. Встречаться с ними, вполне безобидными, кстати говоря, людьми, опоздавшими к началу спектакля, Согрину почему-то не захотелось, и он сбежал из буфета. Потапов сосредоточенно выбирал пирожные, красное платье сверлило взглядом Свету, а контролерша строго сказала Согрину:

– Мы после третьего не пускаем!

Согрин начал объяснять, что выпил всего два, но потом разобрался – контролерша имеет в виду театральные звонки, от которых школьники, насильственно загнанные в культурную среду, покрываются привычной испариной. Спасла Согрина, как обычно, искренность. Он любого мог зарезать этой искренностью, как кинжалом.

– Там мой начальник, – искренне врал СОГРИН, – заметит, что я выпимши. Позор, осуждение трудового коллектива, выговор с занесением в личную карточку, лишат премии, дадут отпуск в ноябре. А если я в зале – все в порядке! Приобщаюсь к искусству...

Из-за угла вырулило красное платье с Потаповым. Потапов незаметно вытирал липкие пальцы о брючину, платье осмысляло прическу буфетчицы Светы.

– Он? – качнула головой контролерша. – Ладно уж, горемыка, заходи.

Добрая, открыла двери. Согрин бессмысленно разглядывал хор крестьянских девушек на сцене. И увидел Татьяну.

Оперный театр – целый город со своими улицами и домами, законами и правилами. Невидимый занавес крепостным рвом отсекает театр от города, так же как видимый – сцену от зрителей. Высокогорный замок готов к штурму. Ворота на запор, мост поднять, раскаленное масло приготовить!

Тридцать лет назад здание театра было выкрашено голубой краской. Согрину нравился старый наряд театра, новый казался ему слишком блеклым. словно бы театр поседел, как поседел сам Согрин. словно бы он побледнел в декорациях новой жизни, что безжалостно перемешали в городе все краски: как будто рехнувшийся художник сложил небесный виванит с орселию неоновых вывесок, смешал бланфикс снега с грязной выхлопной сепией...

Согрин давно не думал о себе, как о художнике, и только краски мучили его так же сильно, как в юности. Краски-демоны являлись без всякого желания, возникали не в осенней листве и небесах, а просто в воздухе, из пустоты. Дар, доставшийся Согрину, так и не превратился в талант, и к старости от него уцелели обрывки и лохмотья. Неровные полосы красок на ладони, подтекающая, плачущая палитра. Дар не радовал Согрина, а мучил его, как будто он носил груз, горб, тяжесть без всякой надежды однажды сбросить ее.

Согрин изменился, но еще сильнее изменился город. Крикливые машины – «раньше их столько не было», брюзжал Согрин. Яркие, разухабистые рекламы предлагали Согрину купить модную технику, открыть накопительный счет в банке и отправиться в тур к далеким островам. Согрин остановился в своем развитии потребителя.

Ему надо было найти Татьяну.

Глава 2. Искатели жемчуга

– Где же я найду вам Татьяну? – нервничал главный режиссер, мужчина выцветший и хмурый, с созвездиями мелких ссадин на лысине.

Главный дирижер Голубев с чувством болезненного наслаждения разглядывал эти ссадины, представляя, как коллега бьется головой об острые углы полок и разверстые дверцы шкафчиков. Разговор был бесполезным: Голубев все решил, спектакль никуда не годится, и надо срочно искать другую Татьяну. Новый сезон прекрасно показал, что Мартынова не вытягивает. Кроме того, Мартынова не нравится Леде, а это еще хуже. Спорить с Ледой дирижер не стал бы даже в том случае, если бы та вознамерилась поджечь театр. Неважно, что режиссер ярится, от него, будем откровенны, ничего не зависит. Голубев улыбнулся, не в силах оторвать взгляд от особенно заметной ссадины на режиссерской лысине.

Последняя привязанность дирижера, статная и кучерявая Леда Лебедь, была ведущим меццо-сопрано. «Золотое руно какое-то», – ворчала супруга дирижера, образованная и терпеливая Наталья Кирилловна. За долгое время жизни в театре Наталья Кирилловна свыклась с ее превратностями и воспринимала очередную влюбленность мужа с пониманием и даже некоторой радостью. Люди устают друг от друга, особенно в браке, а тут, извините-подвиньтесь, речь идет об искусстве, где свежая кровь требуется в ежедневном режиме (будто на станции переливания), и переживания творца должны обновляться так же регулярно, как костюмы для спектаклей.

Очередная пассия дирижера была в глазах коллег не столько телом, сколько тельцом, жертвой, принесенной на алтарь искусства. Одна – за всех. И если жертве при этом удавалось устоять на ногах, да еще и получить себе новые привилегии и козырные партии, театр начинал уважать ее: молодец! Не просто романтическая свиристелка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.